

ЗА РОДИНУ

Апостолы разрушения

Д. М. Рудин

Среди большевистских «священных» книг первое место занимает пресловутый «Коммунистический манифест», написанный Марксом и Энгельсом в 1848 году. Хотя со времени появления этой брошюры прошло почти сто лет, она до сих пор является для большевиков непререкаемой догмой.

Между тем, ряд основных положений этого марксистского катехизиса является в настоящее время не только устаревшим, но просто-напросто неверным по существу, и даже вздорным.

Одним из основных вопросов, разработанных в «Коммунистическом манифесте», является вопрос о буржуазии и ее роли в процессе общественной жизни. Для характеристики буржуазии Маркс и Энгельс не жалуются на негодующих слов. При этом они доходят до утверждения, что буржуазия не только эксплуатирует рабочих, но и совершенно разложила нравственные устои современного западного общества.

Чтобы не быть голословными, напомним некоторые примеры. Так, авторы «Коммунистического манифеста», касаясь вопроса о профессиях, заявляют, что «Буржуазия лишила обаяния все те роды деятельности, на которые до сих пор смотрели с благоговейным трепетом. Врача и юриста, священника и поэта, человека науки она превратила в своих наемных работников».

Что может быть пошлее такого понимания и оценки успехов цивилизации? Ведь, как известно, именно в эпоху капитализма перечисленные Марксом профессии достигли своего высшего развития. Неужели феодальный пинта, смиренно подносивший свои мадригалы князьям и воспевавший их подвиги, сидя на нижнем конце пиршественного стола, был бы более достойной фигурой, чем Гете или Байрон, перед которыми преклонялись не только потомки, но и современники? А знаменитые врачи даже последние двух веков, разве на них не смотрели с благоговением, как на спасителей человечества, разве их моральное достоинство не было выше смутной репутации средневековых эскулапов? Да и священники, — ведь, пожалуй, лишь марксист Сталин превратил их в своих «наемных работников».

Для чего же, спрашивается, потребовалась авторам «Коммунистического манифеста» такая явная ложь о роли буржуазии в развитии «духовного производства» в обществе? Маркс и Энгельс стремились убедить своих читателей в том, что самые высокие ценности культуры и цивилизации поруганы и обесценены законами капиталистического рынка. Такое умышленное опорочивание современного общества потребовалось Марксу и Энгельсу потому, что они стремились всеми способами развязать силы разрушения и гибели. Они стремились уверить массы, что в настоящем жалеть нечего, что «старый мир» должен быть разрушен до основания.

По этой же причине Маркс и Энгельс отрицали «буржуазную» мораль в области личной жизни и семейных отношений.

В «Коммунистическом манифесте» читаем: «Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и превратила их в дело простого денежного расчета». Но почему же, спрашивается, тогда в 19-м веке появились великие произведения литературы и искусства, изображавшие все величие человеческой любви, давшие высокую и сложную гамму супружеских чувств и семейных отношений? Неужели грубые нравы средневековья были лучше тех семейных отношений, которые сложились в обществе в эпоху капиталистического способа производства? Нет, конечно. Заявления на этот счет Маркса и Энгельса уже в свое время резко противоречили действительности.

Нетрудно понять, для чего марксистам нужна была такая грубая подделка реальной действительности, та-

Успехи контрнаступления у Киева и Невеля

Новые удары по судоходству и авиации противника

Главная ставка Фюрера, 30 ноября. Верховное командование германскими вооруженными силами сорбщает:

Советские атаки на германские позиции на перекопском перешейке успеха не имели.

У никопольского предместного укрепления и у большой днепровской излучины атаки советских войск, в общем, ослабли.

Более сильные атаки советские части вели северо-восточнее Кривого Рога, а также в районе своего вклинения к югу от Кременчуга. Германские войска успешной контратакой уничтожили или захватили 30 советских орудий.

В районе Черкасс ожесточенность переменных боев усилилась.

Германская наступательная операция к западу от Киева привела к новым местным успехам.

При наступательных и оборонительных боях в районах Киева и Житомира части германской армии и войск СС, под командованием генерал-полковника Гота, в маневренных действиях задержали советские армии, стремившиеся добиться прорыва, и контрнаступлением отбросили их на восток. За время с 9 по 28 ноября советские войска потеряли здесь свыше 20.000 человек убитыми, 4.800 пленными, 603 танка, 1505 орудий, 1042 пулемета, 275 минометов и 554 броневых машины.

На гомельском направлении продолжается тяжелая борьба. Юго-западнее и западнее города германские войска в упорных боях задержали продвигавшиеся сильные неприятельские боевые группы.

Многочисленные советские атаки к северу от Гомеля успеха не имели. Неприятель понес чувствительные потери от сильного оборонительного огня и мощных контрударов.

Юго-западнее Невеля, несмотря на упорное сопротивление противника, проведена успешная атака германских войск. Занята территория и десктолько населенных пунктов.

На Мурманском фронте гарнизон одного немецкого опорного пункта в рукопашном бою отразил советскую атаку.

В воздушных боях германская авиация, потеряв два самолета, уничтожила 49 советских машин.

В южной Италии 29 ноября, после сильной артиллерийской подготовки и при очень сильной поддержке авиации, неприятельские войска начали ожидавшуюся атаку на германское восточное крыло в долине реки Сангро. Идут тяжелые бои. На остальных участках фронта отражены местные атаки сравнительно слабых неприятельских сил.

Окончательно установлено, что при налете германских торпедоносных самолетов на караван неприятельских войсковых транспортов у побережья Алжира 26 ноября потоплено еще одно крупное судно, так что общие потери противника при этом налете возросли до четырех транспортов, емкостью в 50.000 брт.

Соединения американской авиации 29 ноября днем, под покровом облачности, проникли в немецкую бухту и сбросили

бомбы на город Бремен. Причинены повреждения зданиям. Население понесло небольшие потери. В ожесточенных воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 33 неприятельских самолета, в том числе много тяжелых четырехмоторных бомбардировщиков. Кроме того, противник потерял 6 самолетов над западными оккупированными областями.

Германские истребители дальнего действия сбили над Атлантическим океаном крупную авиалодку.

Прошлой ночью неприятельские самолеты беспорядочно сбросили несколько бомб на западные области Германии.

Германские подводные лодки в упорных боях в Атлантическом океане, а также в Средиземном и Черном морях потопили 8 неприятельских судов, общей емкостью в 36.000 брт., два эсминца, один фрегат и одну подводную лодку. Попаданием торпеды поврежден также легкий крейсер противника.

Кроме того, германские подводные лодки сбили пять неприятельских самолетов, охранявших караваны судов.

Кайзеровские гробы

Американская „игра в кораблики“

Женева, 2 декабря

Американец Генри Кайзер, владелец судостроительных верфей в Калифорнии — типичный представитель американского биржевого дельца. Став при Рузвельте важным лицом, Кайзер избрал таинственную систему рекордного серийного судостроения. Этого судостроителя «милостью Рузвельта» несколько не беспокоит, что моряки на основании опыта называют его рекорд-

ные суда «кайзеровскими гробами». «Рекорд остается рекордом», — заявил Кайзер, — добавив, что отныне он намеревается каждые десять минут выпускать по пароходу. Правда, такие пароходы достигают всего лишь восьми футов длины. Первый, действительно, был спущен на воду, но с поврежденной уже при спуске носовой частью.

Все это сообщается в английской газете «Дейли Телеграф».

„Что же будет зимой?“

В глубоком советском тылу

Корреспондент советской газеты «Правда» (№ 236) описывает жизнь тылового города СССР — Казани.

«Для Казани, крупного города, раскинувшегося на много километров, большое значение имеет городской транспорт — трамвай. Немало предприятий расположено далеко от центра города. Трамвай должен обеспечивать перевозку к этим фабрикам и заводам десятков тысяч рабочих. Но казанский трамвай работает из рук вон плохо.

Некоторые маршруты, например, 2-й и 6-й, совсем не работают из-за недостатка подвижного состава. В то же время в парках созданы обширные кладбища неисправных вагонов, ремонт которых производится исключительно плохо. Ремонтные работы задерживаются из-за недостатка квалифицированных рабочих, отсутствия запасных частей. Выделить людей и изготовить запасные части могли бы предприятия города. Об этом даже вынесены постановления городских

и республиканских организаций. Но выполняются эти постановления не удовлетворительно.

Трамвай работал плохо летом. Что же будет зимой?!

Подготовка к зиме идет плохо. Ремонт подвижного состава отстает. К подготовке контактной сети, по существу, еще не приступили. Ремонт зданий еще не начинался. Поучительные уроки предыдущих зим, когда перебои в работе трамвая вызвали массовые опоздания рабочих на работу, не учтены ни руководителями трамвая, ни руководителями города.

Трамвай, к сожалению, не единственное узкое место городского хозяйства Казани.

Помыться в бане — в Казани серьезная проблема. Бани работают с перебоями, простаивают из-за отсутствия топлива. Крупнейшая в городе баня № 3 из-за отсутствия топлива прекратила работу. Подготовка бани к зиме срывается. План капитального

и текущего ремонта выполнен лишь наполовину, топливо почти не завозится. Бане № 2 понадобится 3.000 кубометров дров и 1.750 тонн торфа, завезено уже пока лишь 43 кубометра дров. Бане № 5 понадобится 3.700 кубометров дров, а пока не завезено ни одного пенька.

В парикмахерских мало мастеров, работа производится в одну смену. Побиться в Казани — не малая проблема, так же как и починка обуви или ремонт одежды.

Заготовка топлива на зиму — один из серьезных вопросов. Только для обеспечения топливом рабочих, служащих и коммунальных учреждений надо завести 730.000 кубометров дров и 80.000 тонн торфа. Завозится топливо медленно.

Плохо идет подготовка жилого фонда к зиме. Средства, отпущенные на капитальный и текущий ремонт, освоены лишь на 50—55 проц. Особенно медленно производится ремонт в домах, имеющих центральное отопление.

Ясно, что по этой случайно просочившейся заметке мы можем судить о положении, вообще, всех тыловых городов СССР и о том, что их ждет этой зимой.

В. Шумилин.

Новый обман

Пропагандное представление „союзников“

Берлин, 2 декабря

Английское агентство Рейтера сообщает из Лиссабона, что в Каире произошла встреча между Черчиллем, Рузвельтом, Чан-Кай-Ши и его женой.

Дальше агентство сообщает, что Черчилль и Рузвельт отправились в «Персию», чтобы там встретиться со Сталиным.

*

Так как ни англо-американцам, ни большевикам не удалось добиться каких-либо решительных военных успехов, их печать пророчески теперь о «небывалой войне на нервах» и грозит опубликованием рассчитанных на

Специальное сообщение

Новая победа японцев

Токио, 2 декабря.

29 ноября в Тихом океане у островов Джилиберта японская гидро-авиация атаковала неприятельские военно-морские силы и потопила два авианосца и еще один корабль, тип которого не удалось установить. Один крейсер тяжело поврежден, на нем вспыхнул пожар. Шесть японских самолетов не вернулись на свои базы.

Этот бой будет зарегистрирован, как четвертое сражение у Джилибертовых островов.

Японские воздушные операции

Токио, 2 декабря

Американская авиация в районе Соломоновых островов ограничивалась случайными разведывательными полетами.

Японская же морская авиация продолжала систематически бомбардировать неприятельские десантные плацдармы. Японские бомбы вызвали взрывы и сильные разрушения на позициях неприятеля на острове Бугенвилле. Также успешно прошел воздушный налет на остров Моно. Сбито два неприятельских самолета.

На тихоокеанском фронте

Токио, 2 декабря

Согласно сообщением японской императорской ставки, сведений о положении на Джилибертовых островах Тарава и Мекин не поступало. Связь с японскими войсками, защищающими эти острова, прервана. Повидимому, на Тарава еще ведутся тяжелые бои.

Соединения японской морской авиации совершают бомбардировочные налеты на позиции неприятеля, расположенные на этом острове.

Япония вспоминает американский ультиматум

Токио, 2 декабря

Японская печать отмечает вторую годовщину дня, когда американский министр иностранных дел Хэлл вручил японскому посланнику Номуре ноту, выдержанную в резком ультимативном тоне.

Фактически эта нота равнялась объявлению войны.

Потоплен войсковой транспорт

Берлин, 2 декабря

Поступили дополнительные сведения о последнем налете немецких самолетов на караван неприятельских судов.

Команда одного из самолетов наблюдала гибель четвертого войскового транспорта. Это судно водоизмещением в 8.000 брт. получило попадание торпеды и затонуло в течение нескольких минут.

1600 фронтовых полетов

Берлин, 2 декабря

Капитан германской авиации Рудель, командир группы пикировщиков, награжденный на днях дубовым венком с мечами к рыцарской степени ордена Железного Креста, за один день с бреющего полета уничтожил семь советских танков.

Несколько дней тому назад капитан Рудель совершил свой 1600-ый боевой полет, чем выдвинулся в этом отношении на первое место среди немецких летчиков.

Во время распутицы и сильных дождей на восточном фронте с большим успехом применяются германские автомобиль-амфибии, свободно продвигающиеся по суше и воде.

Апостолы разрушения

(Начало см. на 1-ой стр.)

кое нелепое искажение существующих в обществе семейных отношений. Марксисты стремились убедить своих последователей, что «буржуазная семья, естественно, должна будет пасть». Ради того, чтобы натравить массы на все установления современного общества, начиная с государственных учреждений и кончая семьей, авторы «Коммунистического манифеста», а за ними и все их последователи, не стеснялись никакой клеветой на окружающую жизнь.

В результате, их лживая ложь превратилась в сплошную неуклюжую нелепость.

Мы меньше всего склонны брать под защиту заклейменную марксистами «буржуазию». Но дело не в том. Под красным флагом «священной борьбы за раскрепощение пролетариата» от власти эксплуататоров-капиталистов, Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» ведут борьбу с безусловными ценностями, обретенными человечеством в результате многовековых усилий. Начисто отрицают все нормы морали и нравственности только потому, что они применяются в буржуазном обществе, марксисты хотят с водой выплеснуть и ребенка.

Большевики свято восприняли эту человеконенавистническую, нигилистически-разрушительную сторону марксизма. В 1917 году они предприняли грандиозную попытку до основания разрушить все привычные нормы человеческого уклада. Печальные результаты их эксперимента жестоко отразились на жизни нашего народа в последующую четверть века.

Обращаясь к первоисточнику большевистских мудствований, мы видим все теоретическое убожество и ложь тех разрушительных идей, которые вдохновляли Ленина, Сталина и прочих вождей и вожды русских марксистов на их неслыханные преступления перед страной и народом.

Чего стоят капиталисты, видно, хотя бы, из политики англо-американских плутократов, пытающихся заработать на крови русских рабочих и крестьян, используя для этого антинародную власть Сталина. Борьба с капитализмом и возможными попытками его реставрации в нашей стране — святая обязанность трудящихся. Но при этом совершенно недопустимо ругаться над всеми устоями общественной и моральной жизни, которые были завоеваны человечеством в период развития капитализма.

Прошлое нашего народа и других европейских народов — славное прошлое. Борьба с темными силами угнетения и эксплуатации, человечество не идет путем слепого разрушения, но сохраняет лучшее из достигнутого предшествующими поколениями. Марксисты же выступили только как разрушители, и потому, когда им надо было созидать, они построили не социализм, а пародию на него, какой является сталинский застеночник.

Тщетные планы Сталина

Новая угроза крестьянству в СССР

В последнее время большевистские пропагандисты распускают слухи о том, что советский строй изменился, став более близким душе русского крестьянина. Слухи эти — очередная ложь и провокация. Все знающий сталинскую колхозную политику, воплощающуюся в убогих деревушках, где хилые, изможденные люди занимались обработкой полей. А сейчас политика большевиков по отношению к крестьянству стала еще более жестокой и беспощадной.

Перебежчик Вениамин К., студент ленинградского университета, входивший до включения в командный состав Красной армии, в бандитский отряд, рассказывает:

— Среди многих сотен тысяч красноармейцев, сдававшихся в плен в первый период войны, подавляющее большинство составляли мобилизованные советские крестьяне-колхозники. Крестьяне же, оставшиеся дома при приближении немцев, не хотели исполнять приказа Сталина об уходе в леса и пополнении, так называемых, партизанских отрядов. Крестьяне оставались на местах и продолжали заниматься земледелием, радуясь, что колхозы пошли на слом. Это сильно озлобило сталинских приспешников. Уполномоченный особого отдела НКВД, после того, как наш отряд был разгромлен, с яростью кричал, что «Филиппы Ивановичи (так в Советском Союзе называют колхозников, продолжающих трудиться на занятой немецкими войсками территории) проиграют нам войну»... «Колхозы им, видите ли, не нравятся. Наоборот, наша ошибка, что мы оставили в единоличное пользование ого-

род и корову. Эти огрызки частной собственности напоминали о доколхозной жизни. Дайте только нам победить, и мы отнимем у мужика эти последние осколки личной собственности, чтоб он не мог и мечтать о своей земле...»

Вот он — подлинный голос большевистской власти.

Признание, вырвавшееся у огорченного неудачами чекиста, весьма показательно. Ревностные приверженцы Сталина не скрывают, что пораженческие настроения, овладевшие советским крестьянством, являются источником многих неудач советских войск на фронтах современной войны. Причиной же этих настроений большевики считают то обстоятельство, что при организации колхозов у крестьян не отняли города, коровенки и курицы. В будущем для того, чтобы вытравить из души русского мужика какое бы то ни было стремление к единоличному хозяйству, необходимо эту ошибку исправить...»

Такое будущее подготавливает большевизм русскому крестьянству. Недаром Сталин в своей речи 7 ноября с. г. говорил о неизбежности колхозов.

Сталинские приспешники обеспокоены и тем обстоятельством, что среди красных бандитских банд немало недобитых оппозиционеров и «уклонистов», главным образом, правых, т. е. приверженцев Бухарина и Рыкова, — о чем доносит секретная агентура и что по захваченным документам известно по эту сторону. «Воскресшие» идеи, носителями которых являются тайные противники Сталина, встревожили сталинцев не

на шутку. Уполномоченным НКВД и многочисленным секретным сотрудникам, проникшим в бандитские отряды, дано строжайшее распоряжение выявить оживших «уклонистов». Не секрет, что на многих из своих бандитов Сталин смотрит, как на лимон, из которого следует выжать весь сок, чтобы потом отцвирнуть в сторону. И многих из них в качестве награды ожидает свинцовая пуля, уже заботливо заготовленная чекистами.

Сталин не доверяет и не может доверять своим «партизанам». Не доверяет потому, что им приходится обращаться с людьми, которые освободились от колхозного рабства и стали свободными хозяевами на своей земле. Не доверяет потому, что им приходится иметь дело с людьми, увидевшими иную, столь не похожую на каторжную горсть советского обывателя, жизнь. Это недоверие, в конечном счете, несет им в лучшем случае концлагерь.

Если эти люди хотят сохранить свою жизнь и сделать действительно счастливой свою родину, — у них один выход: повернуть оружие против общего врага — Сталина и его клики.

Нельзя верить слухам о перерождении в стране советов. Сталинизм равнозначен террору, насилию и разорению русской деревни.

Вас. Клык.

Упорные бои в Китае

Токио, 2 декабря

Японские войска, окружившие город Чангтэ, ворвались в него через восточные, северные и западные ворота.

29-ая чунцинская армия, превратившая город в сплошную крепость, оказывает упорнейшее сопротивление за проволочными заграждениями на сильно укрепленных позициях.

Наступление свободной индусской армии

Токио, 2 декабря

Глава временного индусского правительства Субхас Хандро Боше в беседе с представителем печати заявил, что часть индусской национальной армии уже перешла в наступление на границе Индии, вступление в которую предусматривается в ближайшем будущем.

Он сообщил также, что островные группы Андаматы и Никобары, расположенные к западу от Бирмы и переданные Японией свободной Индии впредь будут именоваться Шахино и Свараджи (по индуски — «мученик» и «самоуправление»).

Воздушные операции над Италией

Берлин, 2 декабря

На южно-итальянском фронте, у устья реки Сангро, германские скоростные бомбардировщики совершили налет на опорные пункты и автомобильные парки противника. Бомбы вызвали пожары на складах горючего; разрушено много автомашин.

Германские истребители сбили 2 американских четырехмоторных бомбардировщика.

Виктор Эммануил отрекается

Рим, 2 декабря

Радиостанция города Бари (южная Италия), оккупированного англо-американцами, сообщает, что Виктор Эммануил решил отказаться от титула императора абиссинского и короля албанского.

Это решение короля-предателя принято по настоятельному требованию бадолевского «правительства».

США вытесняют Англию

Женева, 2 декабря

Американцы построили в Египте у Каира крупную военно-воздушную базу, использовав аэродром, первоначально предназначавшийся для английской авиации. Аэродром этот — крупнейший, современнейший и наиболее благоустроенный на всем Среднем Востоке.

Так, несмотря на красивые слова, один «союзник» постоянно норовит оттянуть себе жирный кусок от другого.

Жертвы землетрясения в Турции

Иstanbul, 2 декабря

Число жертв землетрясения в Турции растет. В настоящее время число убитых достигло 2719 человек, тяжело раненых — 1084, легко раненых — 3321.

Обрушилось 1439 зданий; 1570 построек разрушены частично.

Со всего света

Берлин. — Фюрер, по случаю пятилетней годовщины избрания президента Рахи в Праге, отправил последнему поздравительную телеграмму.

Берлин. — Капитан германской авиации, Гюнтер Ралл — командир группы истребителей — одержал на восточном фронте свою 250-ую воздушную победу.

Стокгольм. — Начаты шведско-финляндские торговые переговоры о товарообмене на первую половину следующего года. Гельсинки. — Исчез финский буксирный пароход «Оулу 2». Поиски, предпринятые авиацией, успеха не имели. Полагают, что буксир вместе с экипажем погиб на прошлой неделе во время бури в Ботническом заливе.

Лиссабон. — По всей Канаде ширится движение, требующее полной независимости страны и собственного флага.

Женева. — Депутат английской нижней палаты Эдуард нынешний английский кабинет назвал «истрепавшимся». Черчиллю нужна разумная оппозиция, а премьер окружает себя лишь подхалимами, выпрашивающими высокие посты.

Советский „патриотизм“

Напряжение последних сил

Почти ежедневно советские газеты кричат о патриотизме. Рабочие перевыполняют план — патриотизм! Колхозники везут последние продукты — патриотизм! Академики пишут письмо Сталину — патриотизм!

«Патриотизм» советских людей является той ширмой, которой прикрывается жестокая и беспринципная эксплуатация огромной страны, на которую Америка и Англия до этого имели вполне определенный взгляд.

Нет необходимости далеко ходить за фактами. Они перед нами.

1 февраля 1940 года сам президент Соединенных Штатов Америки Рузвельт сказал: большевикам совершенно необходимо представлять внутреннее положение Советского Союза в радужных красках, а колоссальное напряжение сил населения — называть советским патриотизмом.

Теперь же все сведения, поступающие к нам из различных источников, говорят об одном: Советский Союз напрягает последние силы. С переборами работают и промышленность, и в конце расхлябанный транспорт. Голодает население. Однако, большевики продолжают оставаться большевиками: всюду произвол и насилие, всюду обман и ложь.

Партия и НКВД с каждым днем усиливают террор, и жертвами его становится каждый, кто хоть как-нибудь проявит свое недовольство.

Газеты кричат о патриотизме — реки крови льет Красная армия.

Народ пока еще молчит, но в нем зреют силы, которые должны погубить самый кровавый в истории режим. Пробрет час и народ, повернув оружие против своих тиранов, обретет долгожданную свободу. Т. Л.

(Продолжение 22-ой)

АКТИВ СХВАТИЛ ЗА ГОРЛО

Сел я в калошу из-за «дела по выяснению». Дела же эти заключались в следующем:

Территория ББК, как я уже об этом говорил, тянется в меридиальном направлении приблизительно на 1200 километров. По всей этой территории идут непрерывные обыски, облавы, проверки документов и прочее: в поездах, на пароходах, на дорогах, на мостах, на базарах, на улицах. Всякое лицо, при котором не будет обнаружено достаточно убедительных документов, считается бежавшим лагерником и попадает в лагерь «до выяснения». Человек, уже попавший в лагерь, ничего толком доказать, разумеется, не в состоянии. Тогда местное УРЧ через управление ББК начинает наводить справки по указанным арестованным адресам его квартиры, его службы, профсоюза и прочее.

Разумеется, что при темпах мрачных выдвигенцев такие справки могут тянуться не только месяцами, но и годами. Тем временем незадачливому путешественнику переброят куда-нибудь на Ухту, в Вишеру, в Дальлаг и тогда получается вот что: человек сидит без приговора, без срока, а где-то там, на воле семья попадает под подозрение, особенно в связи с паспортной. Мечется по всяким советским кабакам, всякий кабак норовит отплатить и отделиться — и получается чорт знает что... Из той кучи дел, которую я успел разобрать, таких «выясняющихся» набралось около полусотни. Были и забавные: какой-то питерский коммунист — фамилии не помню — участвовал в рабочей экскурсии на Беломорско-Балтийский канал. Экскурсантов возят по каналу так: документы отбираются, вместо документов выдается какая-то временная бумажка и делается свирепое предупреждение: от экскурсии не отбиваться... Мой коммунист, видимо, полагал, что ему, как партийному, законы не писаны — от экскурсии отбился, как он писал: «по причине индивидуального пристрастия к

рыбной ловле удочкой». При этом большевиком занятия он свалился в воду, а когда вылез и высох, то оказалось — экскурсия ушла, а бумажка в воде расплылась и разлезлась до неузнаваемости. Сидел он из-за своего «индивидуального пристрастия» уже восемь месяцев. Около полуночи в его деле лежали уже все справки, необходимые для его освобождения — в том числе справка от соответствующей партийной организации и справка от медгородского управления ББК с приложением партийного билета незадачливого рыболова, а в билете — и его фотографии...

Человек грешный — в скорострельном освобождении этого рыболова я отнюдь заинтересован не был: пусть посидит и посмотрит. Любимь кататься, любил и дрова возить.

Но остальные дела как-то не давали покоя моей интеллигентской совести.

Заговядка заключалась в том, что в первых, лагерная администрация ко всякого рода освободительных мероприятиях относилась крайне недружелюбно, а во-вторых в том, что среди этих дел были и такие, которые лежали в УРЧ в окончательно «выясненном виде» больше полуночи, а они давно должны были быть отправлены в управление лагерем, в Медвежий Гор. Это должен был сделать Стародубцев. С точки зрения лагерно-бюрократической техники здесь получалась довольно сложная комбинация. И я бы ее пропел, если бы не сделал довольно грубой технической ошибки: когда Боговяленский слегка заел по поводу этих дел, я сказал ему, что о них я уже говорил с инспектором Мининим, который в эти дни «инструировал» наш УРЧ. Минин был из Медвежьей Горы, следовательно, — начальство и, следовательно, от Медвежьей Горы скрывать уже было нечего. Но с Мининим я не говорил, а только собрался поговорить. Боговяленский же собрался раньше меня. Вышло очень неудачно. И, во-вторых, я не догадался как-нибудь заранее реабилитировать Стародубцева и

выдумать какие-нибудь «объективные обстоятельства», задержавшие дела в нашем УРЧ. Впрочем, ничем эта задержка Стародубцеву не грозила — разве только лишним крепким словом из уст Боговяленского. Но всей этой ситуации оказалось вполне достаточно для того, чтобы подвинуть Стародубцева на решительную атаку.

В один прекрасный день — очень неважный день моей жизни — мне сообщили, что Стародубцев подал в третью часть (лагерное ПТУ или, так сказать, ПТУ в ПТУ) заявление о том, что в целях контр-революционного саботажа работы УРЧ и местному, Стародубцеву, я украл из стола Стародубцева 72 банки личных дел освобождающихся лагерников и сжег их в печке. И что это заявление подтверждено свидетельскими показаниями подложными других УРЧ-вских активистов. Я почувствовал, что, пожалуй, немного раз в своей жизни я стоял так близко к «стенке», как сейчас.

«Теоретическая схема» мне была уныло ясна, безнадежно ясна: заявление Стародубцева и показания активистов для третьей части будут вполне достаточно, тем более, что и Стародубцев, и активисты, и третья часть — все это были «свои парни», «своя шпана». Боговяленского же я подвел своим мифическим разговором с Мининим. Боговяленскому я все же не всегда и не очень был удобен своей активностью, направленной преимущественно в сторону «гнилого либерализма»... И, наконец, когда разговор дойдет до Медгоры, то Боговяленского спросят: «а на кой же чорт вы, вопреки инструкциям, брали на работу контр-революционера, да еще с такими статьями?» А так как дело по столь контр-революционному преступлению, да еще и караемому, «высшей мерой наказания», должно было пойти в Медгору, то Боговяленский, конечно, сбросит меня со счетов и отдаст на растерзание... В лагере — да и на воле тоже — можно рассчитывать на служебные и личные интересы всякого партийного и полупартийного начальства, но на человечество и даже на простую порядочность рассчитывать нельзя.

Детали Стародубцевского доноса я не знал, да так и не узнал никогда. Не думаю, чтобы шесть свидетельских показаний были средоточены без вопиющих противоречий (для того, чтобы в таком деле можно было обойтись без противоречий — нужны все-таки мозги), но ведь мне и перед растерянным этих показаний не покажут... Можно было, конечно, аргументировать и тем соображением, что ежели я собрался «с диверсионными целями» срывать работу лаге-

ря, то я мог бы придумать для лагеря что-нибудь менее выгодное, чем попытку оставить в нем на год-два лишних больше семидесяти пар рабочих рук. Можно было бы указать на психологическую несообразность предположения, что я, который лез в бутылку из-за освобождения всех, кто, так сказать, попалась под руку, не смог выдумать другого способа отмщения за мои поруганные Стародубцевым высокие чувства, как задержать в лагере 72 человека, уже предназначенных к освобождению. Конечно, всем этим можно было бы аргументировать... Но если и ленинградское ПТУ, в лице товарища Добротина, ни логики, ни психологии обучено не было, то что же говорить о шпане из подпольской третьей части?

Тысячи безмянных Иванов бродили по карантину

Конечно, полсотни дел «по выяснению», из-за которых я, в сущности, и сел, были уже спасены — Минин забрал их в Медвежий Гор. Конечно, «есть больше любви, аще кто душу свою положит за други своя» — но я с прискорбием должен сознаться, что это соображение решительно никакого утешения мне не доставляло. Роль мученика, при всей ее чести, неписана не для меня... Некоторый просвет был с одной стороны: донос был слан в третью часть пять дней тому назад. И я досих пор не был арестован

В объяснение этой необычной отсрочки можно было выдумать достаточно количество достаточно правдоподобных гипотез, но гипотезы решительно ничего не устраивали. Борис в это время лежал от романтической болезни начальная третья часть. Борис попытался кое-что у него выпытать, но начальная третья часть ухмылялась с несколько циничной загадочностью и ничего путного не говорила. Борис был такого мнения, что на все гипотезы и на все мероприятия нужно плюнуть и нужно бежать, не теряя ни часу. Но как бежать? И куда бежать?

ТОВАРИЦ ЯКИМЕНКО И ПЕРВЫЕ ХАЛТУРЫ

В Подполье свозили все новые и новые шельоны лагерников, и первоначальный «профинплан» был уже давно перевыполнен. К середине февраля в Подпольском отделении было уже около 45.000 заключенных. Кабак в УРЧ свирепствовал совершенно невообразимый. Десятки тысяч людей оказывались без инструментов, следовательно, без работы, следовательно, без хлеба. Никто не знал толком, на каком лагунке и сколько находится народу. Одни «командировки» снабжались удвоенной порцией пропитания, другие не получали ничего. Все списки перепутались. Сорок пять тысяч личных дел, сорок пять тысяч личных карточек, сорок пять тысяч «формуляров» и прочих бумажек, символизирующих где-то погибавших живых людей, засыпала УРЧ лавиной бумажки и писчей, и обояной, и от старых этикеток кузнечовского чая, и из листов старых дореволюционных акцизных бандеролей, и Бог знает откуда еще: все это называлось бумажным голодом.

Такие же формуляры, личные карточки, учетные карточки — и тоже, каждая разновидность — в сорках пяти тысячках экземпляров — перетаскивались окончательно обалдевшими статистиками и старостами из колонны в колонну, из барака в барак. Тысячи безмянных Иванов, которавшихся от своих документов» и не знающих, куда им приткнуться, бродили голодными толпами по карантину и пересылке. Сотни начальных сорок колонн металась по баракам, пыталась собрать воедино свои разбредившие стада. Была оттепель. Половина баракос — с дырявыми потолками, но без крыш — протекала насквозь. Другая половина, с крышами, протекала во всяким коврам, перекопывали во вторую половину, и в этом процессе всякое подобие колонн и бригад таяло, как снег на потолках протекших баракос.

(Продолжение следует)

ЖИЗНЬ В НОВОЙ РОССИИ

Приятная встреча

(От псковского корреспондента)

Мы встретились в городском музее во Пскове. Когда я рассматривал одну из картин, ко мне подошел в военной форме офицер РОА. Одна секунда, и я с радостью узнаю своего приятеля Бориса Жукова. От прилива чувств мы не знали, с чего начать разговор.

— Какими судьбами? — спросил я его первым.

— Перешел через фронт.

Мне сразу вспомнились первые дни совместного учения на курсах командного состава летом 1941 года. За частые пререкания с политруком, Борис был отправлен в штрафную роту. С тех пор я о нем ничего не знал.

— Как же тебе удалось? — спросил я в свою очередь.

— Рисковал, конечно. Около года партизанил в советском тылу. Потом с группой беглых решил перейти фронт. И, как видишь, кончилось все благополучно. Недавно окончил офицерскую школу РОА. Во Псков приехал по командировке. Мне ран-

ше не приходилось здесь бывать. Вот и воспользовался свободным часом, чтобы осмотреть город.

БЕЛУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ГЕРМАНИИ

Минск.

В средней Германии на одной из больших фабрик работает 230 белорусских юношей. Для них открыта специальная белорусская школа, в которой проходятся не только общеобразовательные предметы, но изучаются также и разные специальности.

В праздничные дни для молодежи устраиваются полезные развлечения и экскурсии.

ГОРОДСКИЕ БИБЛИОТЕКИ

Одесса.

В Одессе в настоящее время работает шесть городских библиотек, публичная и центральная библиотеки. Эти книгохранилища насчитывают свыше 3-х миллионов томов.

За время деятельности библиотек их посетило 40.000 человек при 6000 абонементов.

Спор о первенстве

Маленький фельетон

Недавно в одной из московских гостиц случилось невероятное событие. Неожиданно заговорили советские ордена, блестевшие на висевшем в шкафу генеральском мундире.

— И зачем только меня из архива вытащили? — первым спросил орден Суворова.

— А ты кто такой? — выкрикнул хриплым басом орден Красной Звезды.

— Я называюсь именем русского полководца генерал-фельдмаршала Суворова-Рымнинского.

— Знаем, знаем. Люди, носившие меня на груди, немало ухлопали вашего дворянского отродья. За хранение портретов Суворова расстреливали без суда и следствия, как за контрреволюцию. Помню, как сбрасывали статуи Суворова и на их место ставили Ленина.

— О, это было победное шествие революции, — вмешался в разговор орден Ленина. — С тех пор я старший среди вас. Меня считают наиболее высокой наградой.

— Ну и врешь же ты, приятель, — высказался новый орден Победы. — Правда, я здесь самый молодой, но зато и самый знатный. Мое рождение связано с надеждами на победу. А тебя раздавали направо и налево в год позорного бегства Красной армии. Так что твоя песенка уже спета.

— Но, но, насчет этого потише, — повысил тон орден Ленина.

— Смени свою пластинку. Ты, видимо, отстал от политики, — поучительно и уверенно сказал орден Победы. Ты не заметил, как закатилась твоя звезда. Я, брат, говорю совершенно авторитетно: сегодня ты не в моде. Теперь на первом плане Кутузов, Суворов и я. Меня, например, присуждают только лицам высшего начальствующего состава.

— Неужели это правда? — упавшим голосом прошептал орден Ленина.

— Не надо падать духом, — стараясь успокоить приятеля орден Красного Знамени. — Я думаю, что все это временно. Как только большевизм победит, мы займем самые почетные места, и люди, получившие в качестве награды «новичков» военного времени, должны будут уйти со сцены.

— То есть, как уйти? — спросил орден Красной Звезды.

— Навивный вопрос! Да очень просто. Сейчас, чтобы привлечь к себе больше сторонников, наше правительство ловко играет на тщеславии и национальных чувствах. Вот поэтому и появилось так много орденов. Но мы отлично знаем, что ордена никогда не спасали от НКВД. Теперь герои еще нужны, а после они станут опасны и от них избавятся.

— Да, пожалуй, ты прав! — улыбаясь согласился орден Красной Звезды и Ленина.

С. Князев.

Колхозные оброки

Почему голодали крестьяне в Советском Союзе

Поздняя осень. Хлеб убранный и положен в кладовые. Почти во всех районах закончена молотба и сдача зерна, картофеля, молока и мяса. Крестьяне выполнили поставки в срок и сдали зерно хорошего качества. У каждого крестьянина остался значительный запас, которого вполне хватит до будущего года. Этот запас измеряется не килограммами, как в колхозе, а десятками пудов.

Невольно вспоминается другое время, когда крестьяне того же района выполняли не более 20 процентов установленных для них хлебопоставок. В последнее время хлеб не сдавался не только потому, что его не хотели сдавать, а просто потому, что его не было. В 1937-38 г. г. в Сошинском районе, Псковского округа, старшие уполномоченные поучали младших, чтобы те, в случае отсутствия хлеба в амбарах, залезали к колхозникам на чердаки под видом пожарных инспекторов по осмотру дымовых труб. Конечно, все это было бы смешно, если бы не было так плохо.

Загнав «добровольно» крестьян в колхозы, советская власть с первых дней окружила колхозников недоверием. Введенные в колхозах налоги натурой затягивали колхозную петлю все туже и туже. Особенно тяжело выполнялись хлебопоставки. Система советских поборов способствовала быстрому обнищанию и разорению крестьян.

С каждым годом выкачивание хлеба из деревень возрастало. Особенно обречены были на голод специализированные районы, где, вместо зерновых, сеялись технические культуры: свекла, лен, хлопок и т. д. Сначала колхозникам этих районов было обещано, что хлеб им будет завозиться, но фактически этого не происходило и крестьяне, сеявшие технические культуры, оставались без хлеба. Вскоре заготовки стали производить на основе твердых норм сдачи зерна с гектара. Советскую власть не интересовало, сколько уродилось хлеба в данном колхозе. Ей было также совершенно безразлично, если, скажем, из-за неурожая колхозники, вовсе не имея хлеба. Нередко были случаи, когда тот или иной колхоз, не собрав требуемого для сдачи хлеба, должен был продавать свой скот и покупать для выполнения госпоставок хлеб, лен и другие сельскохозяйственные продукты на стороне. Кроме того, выжимая от крестьянства весь хлеб, советская власть платила за него буквально гроши.

По примеру хлебных поставок, у колхозников стали забирать таким же способом мясо, молочные продукты и проч. Наряду с этими поборами, колхозники расплачивались и за тракторную «помощь», хотя тракторы эти больше стояли, чем работали. Кроме натур, советская власть взыскивала и деньги. Ежегодные займы, подоходный налог, самообложение, культурный налог и другие сборы составляли не малую сумму. А в дни войны прибавились еще отчисления в «фонды».

Несвоевременное выполнение всех этих оброков вызывало волну репрессий и арестов. ... В далекое крепостное время крестьяне платили помещику натуральный оброк, удовлетворяющий потребности только одного помещика. Со временем натуральные повинности были заменены денежными. Это в значительной мере ослабляло крепостную зависимость крестьянства, так как для приобретения денег крестьяне уходили на работу в города и помещик охотно отпускал их. Советская же власть снова ввела для крестьян натуральный оброк и колхозники бежали в города не столько ради заработка, сколько в поисках краюшки хлеба.

Без защиты

Судьба девушки из провинции

Детские годы Лизы прошли в небольшом городишке Вологодской губернии. Отец ее был священником, а мать умерла, когда девочке было еще три года. Вместе с подругами Лиза ходила в школу, много читала, увлекалась художественным вышиванием и кройкой. Но пришел роковой час. Отца неизвестно за что арестовали и о судьбе его Лиза ничего не могла узнать. Это случилось в 1931 году. Красивая семнадцатилетняя девушка осталась одинокой, без средств к существованию. Сперва она растерялась, но затем успокоилась и решила: бывает и хуже.

«Пафос социалистического строительства» влек ее в большой город. Лиза решила поехать в Ленинград и устроиться там на работу. В свободное от работы время она думала учиться в вечерней школе для взрослых, чтобы потом как-нибудь попасть в институт.

Оставив родные места было тяжело. Всю дорогу Лиза плакала — ее пугала неизвестность. Неприветливо встретил девушку шумный город. На московском вокзале у нее украли мешок с одеждой.

Остановилась Лиза у хороших знакомых. Бедную односельчанку «хорошие знакомые» встретили холодно. — Денек-два поживи, но больше без прописки держать не можем.

На следующий день Лиза подыскала себе работу и пошла хлопотать о прописке.

Откуда приехала, туда и возвращайся! Нужно в колхозе работать! На фабрики и заводы мы набираем организованно, по договору! — резко ответила ей в паспортном столе.

Бедная девушка была в отчаянии и не знала, как быть. Возвращаться назад не хотелось. Ей казалось, что успех и счастье принесет только жизнь в Ленинграде.

Кто-то посоветовал обратиться в областную милицию к товарищу Гинзбургу. Лиза направилась туда. Начальник ее внимательно выслушал, постучал по столу и сказал: «Ничего не могу сделать, такой уж закон.»

После паузы он тихо добавил: — Мне нужна домработница. Вот, если желаете, то...

Отчего же, с удовольствием, — поспешно согласилась Лиза, обрадованная возможностью найти выход из положения.

А дальше все пошло, «как по маслу!» Прописалась, получила хлебную карточку и т. п. К работе приступила с подъемом, полагая, что будет не трудно. А главное — радовалась возможности закончить образование.

Жена начальника, типичная еврейка, Рахиль Соломоновна, встретила девушку из провинции чрезвычайно высокомерно.

Но вот, хозяйка заболела и уехала на курорт и Лазарь Абрамович как будто получил свободу действий. Он цинично и нагло стал уговаривать девушку к сожителю, а когда из этого ничего не вышло, применил к ней физическую силу. Несчастная не знала, где ей найти защиту. «Ведь Лазарь Абрамович — большой начальник в областной милиции и у него всюду свои люди. А кто поверит простой девушке? Скажут — клевета,» — в тоске раздумывала она.

Через месяц Лиза с ужасом узнала, что у нее будет ребенок. Скоро вернулась Рахиль Соломоновна и девушку выгнала.

Был темный ноябрьский вечер, когда Лиза ушла с места. Больше ее никто не видел. Дворник рассказывал, что девушка пошла по направлению к набережной, где долго стояла у гранитной решетки Невы.

С. К.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Белосток

Белорусское объединение в Белостоке постановило организовать этнографический музей. Уже начат сбор произведений народного искусства.

В музее будут помещены экспонаты, собранные со всего белостокского округа.

А. Крачина

Душу отвел

Рассказ

Поздно. Но в бухгалтерии совхоза «Красный Хрен» сидят за работой бухгалтер Тихоплюев, плевший маленький желтый старикашка и старенькая же Мордашкина — счетовод. Оба старика щелкают на счетах, пишут цифры, оба углубились в работу с головой. Из кабинета управляющего совхозом доносятся громкие голоса и смех.

Выходная дверь с треском растворилась.

— Не приходил к управляющему секретарь партии? — спросила забегавшая в бухгалтерию председательница профсоюза Семенова.

— Нету, нету! — резко ответил Тихоплюев. — Двери надо закрывать!

Семенова стремительно выбежала, хлопнув дверью. Дверь отошла, понесло холодом, лампы на столах замигали.

— Только собаки открывают и не закрывают двери! — отрывисто крикнул в догонку председательнице Тихоплюев и, сорвавшись с места, побежал закрывать дверь. — А человек должен уметь открывать и закрывать! — ворчливо добавил он, возвращаясь к столу.

— Форменное безобразие! — послышался дребезжащий, простуженный голосок Мордашкиной. Она с возмущением отщелкала на счетах какую-то астрономическую цифру.

— Трепологией занимаются, бегают туда сюда, высунувши языки, точно дело делают! — заворчал Тихоплюев, скривив пером по бумаге. — И там — тоже, — показал он в кабинет, — сошлись два друга: кобель и его подруга. Распентиться не могут.

— Не говорите, Аркадий Павлович!

— задребезжала Мордашкина. — О чем бы, спрашивается, столько разговоров?

— А здесь, как проклятый, по двадцать четыре часа в сутки отсиживай!

Старики прекратили воркотню потому, что в кабинете голоса усилились, и послышалось отодвигание стульев. В бухгалтерию вошли управляющий совхозом Прождохин и экспедитор Бронштейн, юркий еврей с портфелем в руках.

— Так я жду на завтра, товарищ Бронштейн, — заканчивая разговор, сказал Прождохин.

— Ой, о чем может быть разговор? — помахивая портфелем, ответил экспедитор. — Сказано — сделано. Так и поехал. Да! — спохватился он, — самое главное! Я забыл вам последнюю новость сообщить. Еще этого в газетах нет, но я имею сведения из самых верных источников!

— Что такое? — спросил Прождохин.

— В Берлине, — вы понимаете? — в самом Берлине уже орудуют наши отряды. Они, таки, уже успели захватить пленных и сбили двадцать три самолета.

— Да что ты? — радостно зарычал управляющий.

— Чтоб я так жил, как вру! — захихикал Бронштейн.

— Врет, как сивый мерин! — академическим тоном заявил вдруг бухгалтер Тихоплюев.

Мордашкина с испуга уронила на пол карандаш и уставилась на бухгалтера.

— С ума сошел совсем старик! Доработался! — выражало его лицо, открытое тенью ужаса.

Прождохин и Бронштейн, как ужаленные, обернулись в сторону Тихоплюева.

— Что такое?! — ни к кому не обращаясь многозначительно протянул Бронштейн и поднял голову кверху.

— Что вы сказали? — втягивая голову в плечи, точно приготавливаясь к прыжку, зловеще прохрипел Прождохин и его рыжие усы оцетинились, как у кота.

Жуткая тишина наполнила комнату. Бухгалтер продолжал рассматривать бумагу.

— Врет! Без зазрения совести врет! — подтвердил он.

— Кто врет?! — рявкнул управляющий. — Я вас спрашиваю, гражданин Тихоплюев!

Бухгалтер оторвался от чтения и взглянул на Прождохина.

— Вы меня спрашиваете, товарищ Прождохин? — заморгав он глазами.

— Вас! — Прождохин упорным взглядом пронизывал глущескую фигуру старика бухгалтера. — Кто врет?!

Тихоплюев потряс в воздухе бумагой.

— А это я читаю заявление нашего Парамонова, старшего огородника, — объяснил Тихоплюев. — Просит помощи. Пишет, что ему жрать нечего. Вот я и говорю: «Врет, как сивый мерин.» Разве можно верить?

— Какая там помощь? — буркнул управляющий и, повернувшись к экспедитору, сказал: — Да, так что дальше?

Мордашкина исподлобья оглядела людей и, покачав головой, принялась записывать. Ее руки от испуга дрожали.

— Так я хотел сказать, что наши ребятки здорово работают, — продолжал экспедитор. — Много трофеев захватили. Вот теперь, как раз, время сдать немцев с двух сторон.

И помните, это будет. Не сегодня, так завтра!

— Жди! — раздался голос бухгалтера, — когда рак на горе свистнет.

— Это он про себя, — взглянув через плечо на бухгалтера, объяснил управляющий насторожившемуся экспедитору. — Ну, еще какие новостишки есть?

— Еще есть то, что наш мудрый и великий товарищ Сталин, очевидно, будет иметь совещание с Рузвельтом, поскольку тот, таки, изъявил на это свое желание.

— А-а! — удивился Прождохин. — Интересно, где состоится совещание? Здесь у нас, в Советском Союзе, или в Америке?

— На том свете! — четко сказал бухгалтер.

На этот раз у Мордашкиной слетели на пол счеты и, делая вид, что она их поднимает, она осталась согнувшейся под столом.

Снова тишина в бухгалтерии. Бронштейн устремился в потолок; Прождохин медленно повернулся к бухгалтеру.

— Что «на том свете»? — гаркнул он, ударив по барьеру кулаком.

— Вы что мне, товарищ Прождохин? — оторвался от чтения бухгалтер.

— Что вы сказали «на том свете»? Повторите!

Бухгалтер замахал бумагой.

— А этот... Парамонов пишет, что отдаст аванс в следующую получку. Я и говорю: — «Отдаст на том свете... угольками».

— Никаких авансов! Бросьте вы его заявление к черту! — решил управляющий. — Да. Так же будет совещание? — спросил он успокоившегося экспедитора.

— Наверное в Москве. — А, возможно, и в Вашингтоне, — раскачивая портфелем, сказал экспедитор.

Из-под стола вылезла бледная Мордашкина. Ни на кого не глядя, она тихонько положила счеты на стол и уткнулась в ведомость. Ее была дихорадка.

— Если совещание состоится в Вашингтоне, — предположил Прождохин, — то товарищ Сталин, наверно, вылетит в первый раз.

— Как ведьма на метле! В трубу! — отозвался Тихоплюев.

Мордашкина что-то уронила и опять скрылась под столом.

— Бросьте вы со своим заявлением возиться! — приказал управляющий. — Мешаете разговаривать.

— Вероятно, вылетит на самолете, — авторитетно подтвердил экспедитор. — Ну, пока, товарищ Прождохин. Надо идти отдохнуть.

— Пока! — ответил управляющий. — Я тоже сейчас сплотаюсь.

Пожав друг другу руки, они разошлись.

— Что вы делаете?! Что вы делаете?! Ужас! Кошмар! — зашипела, вылезая из-под стола перепуганная Мордашкина и потрясая в сторону Тихоплюева поднятыми руками.

Бухгалтер соскочил с места, подбежал к ней и зашептал:

— Ну, что поделаешь? Что поделаешь? Кипит все внутри! Кипит! Пикнуть страшно! — Задавил проклятый НКВД! Форменным образом, задал!... А так, под шумок, хоть немножечко душу отвел!... А любовь их? А? Здорово! Правда? — он тихонечко захихикал, похлопывая Мордашкину по плечу. — Сталин-то... хэ, хэ, хэ... Как ведьма на метле!... хэ, хэ, хэ... Полетит!..

Мордашкина, прятая душивший ее нервный хохот, уткнулась в платок и замахала рукою.

Вольное казачество

Очерк из жизни казаков до революции

Казачья лавка.

— Вот он, Дон!

Когда в первый раз степь открылась передо мною — в осенней сухости, сладко сжало сердце от медвяного запаха и полны, от чистоты воздушных просторов, какая бывает на море, в степи да пустыне.

Какой однообразный и какой бесконечно разнообразный. Какой новый, современный, культурный и какой седой, старый. Какой могучий во всем: в природе, людях, лошадях. Вон — слобода крестьянская, холмы живут «иногородние». А это — хутор казачий. А там — и станица казачья.

Слобода вытянулась широкою, прямою улицей. Спустилась балкою вниз, подошла к запруде, поднялась наверх, выбежала на степь серыми, старыми ветряками. Весело машут они крыльями на свежем осеннем ветру.

Хутор казачий разбросался по балке, завив лабиринтом улицы. Хаты, при хатах сарай, на кривых дубовых сохах конюшни, базы для скота, овечьи кошары; все окружено то каменным, грубо сложенным, то плетневым забором. По забору цепкая виснет ежевика, облепила пускает белые пушки семян, торчат из-за забора стройные мальвы. Все в цвету.

Хата обведена глиняным рундуком, по низу покрашена голубой краской. Вокруг дома бежит галлерея. На ней цветы в горшках и кадках: бальзамин, герани, фуксы. За домом — садок вишневый, яблоневый, грушевый. Весною абрикос выбьет розовые огни среди белого цвета вишен. За плетнем — птичий двор, овцы, коровы, волы на базе, лошади в конюшне — все в один курень сбито, все под хозяйственным глазом хозяина — казака и его верной подруги — казачки.

Казачья домашность...

— Мы что-ж... Какое наше богатство. Перебиваемся кое-как. Коней с пяток, волов три пары, овец тридцать, да птицы, конечно, немного... Не для продажи, для себя, — говорил бывало казак с седеющей бородой. — А семейство наше такое. Иван на службе, Семена о прошлом годе в полевой полк справили, Михаила в малолетках, да еще вон Мануил растет, учить надоть. Восемь коней подавай... Да теперь как требуют-то. За коня на ярмарке четыреста, а то пятьсот рублей подай. Хорошо, у меня доморощенные, станичного приплода. Дорога стала «справа» казачья...

Вспомнилось далекое детство. Звонкий голос запевалял:

Строй молодых бойцов против Сталина — за казачью вольность.

Чтоб были у вас, ребята, Ружья новые Бердана, Шашки острые в ножнах... Встала перед глазами картина проводов казака на службу: Конь боевой с походным व्यюком У церкви ржет: кого-то ждет, В ограде бабка плачет с внуком, Молодка возле слезы льет.

А из дверей святого храма Казак в доспехах боевых Идет к коню из церкви прямо.

С отцом, в кругу своих родных. Жена коня подводит мужу, Племянник пику подает...

Но какая горделивая радость бывала, когда по окончании службы казак возвращался домой... Полюхали в степном просторе, приближаясь к хутору, выстрелы. Далеко слышна была звонкая казачья песня. Весь хутор скоплялся у околицы.

— Наши идут!...

Пришли... «Мамушка... я дома... дома... в родительском углу, — растроганным, плачущим голосом, тыкаясь лицом в плечо матери, восклицал Гаврила Юлюхин и, подняв голову, умиленным взглядом оглаживался кругом.

«Дома... Вот оно, то родное, бесконечно милое, всегда во сне сновившееся, издали такое прекрасное, ни с

Погоня казака за монголом. — Старинная гравюра.

чем несравнимое, о чем тосковало, к чему летели на крыльях мечты, сердце. Свеже побеленные стены дедовского еще куреня, маленькие окошки с радужными стеклами и прелая поломанная крыша с дырами, проделанными воробьями для гнезд. Сарай на кривых сохах, покачнувшиеся хлевушки в глубине двора и старые проломанные плетни... И вот даже старая кобыла Марфушка, мать ее Зальяна, подняла, голову, глядит, ржет.

«Я дома, — взмахивая руками и шатаясь, крикнул он восторженно и пошел целоваться с теми, неизвестными теперь, забытыми, изменившимися людьми, большими и маленькими, что тесной грудой столпились у ворот.

«Филипповна же (мать казака), вся

рищем была и целым принесла мне его назад!

«И плача, взяла руками умную голову лошади и поцеловала ее в мягкие вздрагивающие ноздри».

В этом описании возвращения казака домой, сделанном лучшим донским писателем Крюковым, раскрывается все обаяние казачьего «дома», той «домашности», о которой мечтали казаки в хмурые дни в петербургской казарме.

Станичный атаман в Егорлыцкой зазвал меня к себе «попробовать» его хлеба-соли...

В большой горнице очень чистой хаты был накрыт стол сажени две длиной и полтора аршина шириной. Он весь был заставлен, как на Пасху, куличами, окороками свиными, телячьими доплатками, жареными поросятами, индейками, каплунами, коржиками, густым и жирным каймаком, бутылками с вином. Красивая хозяйка стояла в углу у самовара, где были приготовлены стаканы и сахар.

— Вы только попробуйте (на Дону вино никогда не пьют, а только «пробуют»)... Ведь все свое, не покупное. Вот только чай, сахар да лимоны брали в лавке на деньги, а то все свое, своих садов, своей птишни, своих полей, своих рук изделие. Вот она

у меня все и готовила!... — говорил казак.

Сколько гордости было в этом приглашении «попробовать» и полюбоваться на это непокупное богатство.

Культура была у казаков. Культура нравилась казаку. Он ее жаждал. Он осветил почти все окружающие станицы электричеством. Вдумчиво выписывал сельско-хозяйственные журналы, следил «за наукой». На выставках в Ростов он являлся с кровными лошадьми, с племенным скотом и птицей, с великолепными винами своих лоз, своих названий. Донское шампанское, цимлянское — шипучее, выморозки, ладанное... Кто не знал этих вин? Но настоящие вина были только на Дону.

Казаки сами устроили на свой счет в Гундоровской станице политехнический институт. Наполнив все высшие и средние учебные заведения своей донской земли — они прошли в Московский, Петербургский и Харьковский университеты и — что замечательно, — став ученым, профессором, художником, казак не терял связи с родною землей и не брал от родительского куреня, но нес в него, вкладывал в него свои знания и умение, отстаивал, где только мог свой родной край, не стыдился, но гордился быть казаком...

Вот они какие были, казаки! Это они водили в Тибетские дали, в Монголию, к озеру Далай-Нор экспедиции Пржевальского, Роборовского и Козлова. Это они, сибирские, ориентальские и семиреченские казаки, сопровождали профессора Мензбира на вершину горы Хан-Тен-Гри, это они, правнуки Ермака, помогали составлять коллекции и гербарии, набивали чучела и были переводчиками. Это благодаря их дипломатическому такту открывались сокровищницы тибетских мудрецов и пытливым умом русского путешественника заглядывал в тайны тибетской науки и искусства.

О них тепло писали все эти ученые и путешественники, называя их своими помощниками. Русское географическое общество награждало этих урядников и казаков сибиряков, орнбуржцев и семиреченцев золотыми и серебряными медалями!

Откуда же взялись казаки? Кто они, носители чисто русского языка, в бытине и песне, в одежде и обычае, сохранившие прелесть старинной Ру-

«Прощай, Люба, до свиданья на родном, свободном Дону!...»

си? Кто они, не расплескавшие драгоценного сосуда горячей и нежной, действенной и работающей любви к родине? Кто они, гордящиеся своим именем казака, готовые отдать свою жизнь за родину, за веру, за мать свою Россию?

Кто они, гордо вступающие в бой с приграничным кочевником для того, «чтобы басурманская вера над нами не посмеялась, чтобы государевой вотчины пяди не поступиться?»

Казаки ведут свое прошлое от богатырей киевских, «Эти богатыри древности, — пишет автор истории России Соловьев, — в новейшее время носят название казаков. Быт, подвиги богатырей древних схожи с бытом, подвигами казаков, и народное представление верно отождествляет эти два явления, различия только именем. Но стариннейшая народная песня уничтожает и это различие, называя, например, Илью Муромца старым казаком».

Как далеке, далеке во чистом поле, Что ковыль трава во чистом поле шатается,

А и ездит в поле стар-матер человек, Старый ли казак — Илья Муромец...

Вот из какой киевской старины, былинной дали идет молва о казаках, стоявших на защите рубежей святой русской земли.

Что же это была за община? Самостоятельная республика, на началах конфедерации соединенная с Россией и управляемая своим

как полезнее быть матери России. Артель, где лучшие, старшие, более опытные казаки — «старики» — подготавливали решение для круга.

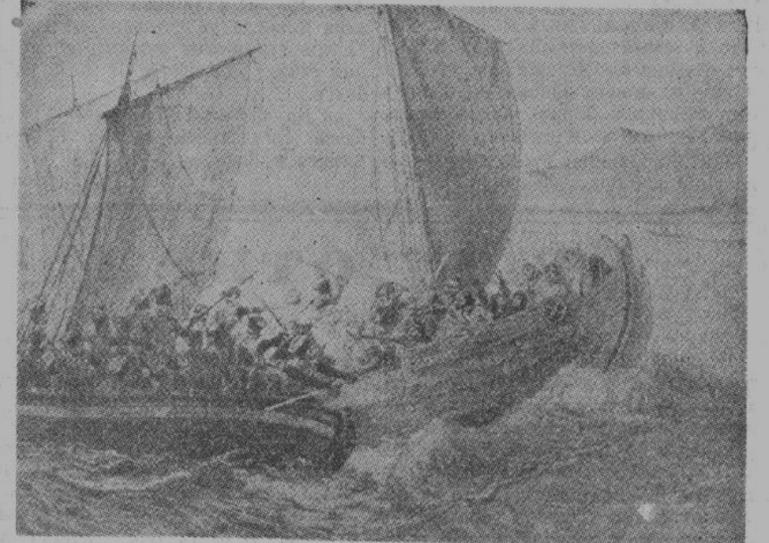
С Петра Великого казаки воевали уже в составе общих русских войск, подчиняясь новому государственному порядку.

Куда ни попадали казаки — они ставили деревянные городки с башнями, рыли рвы, насыпали валы, ставили церкви православные. Шла с ними граница российской земли в морозные тундры устьев великих рек Оби и Лены, а отходила к устьям Амура, углублялась в пески средне-азиатских пустынь, переваливала Кавказский хребет. Они несли меч, но на острие этого меча они несли мир. Они сжигались, сливались с местным населением, становились кунаками с кавказскими горами, перенимали их одежду и обычаи, становились «таймырами» с киргизами, женились на туземках, но твердо хранили православную веру и верность России.

Из лихого разбойничьего поиска «за зипунами» выросла могучая сила охраны русской земли.

В зависимости от размеров войны, казаки входили в армию или своим особым «казачьим корпусом» — таким был корпус атамана Платова в войну с Наполеоном, — или полками, батареями, дивизиями, иногда просто отдельными сотнями, даже отдельными ординарцами и вестовыми.

Казаки связали свою славу со всеми великими русскими полководцами. С бессмертным Суворовым они бы-

Бой азовских казаков с турецкими пиратами. — Старинная гравюра.

парламентом — кругом и своим президентом — атаманом?... Вассалитет?...

Ни то, ни другое. Западно-европейские определения и названия никак не пристали к тому, что представляло собою в старые времена донское войско, послужившее образцом для устройства других войск. Не республика, но военное братство. Братская артель со старшиной — атаманом; артель, где раз соборались на дело, — слепое повиновение атаману, а непослушным смертная казнь: «в куль — да в воду»... Артель, подчиненная старшему хозяину — русскому государству, его царю, и от него и для него по его указам орудующая. До дела — до выбора атамана, при общем решении вопросов, на кругу — шумливая, бранчливая, крикливая, но в конце концов во всем единогласная, прислушивающаяся к голосу стариков, прочная русская, один за одного стоящая артель, — а не болтливый, блещущий красноречием, разбитый на партии европейский парламент. Артель, на кругу обсуждающая, как лучше исполнить государево дело,

ли везде, где был и сам непобедимый. Кинбурн и Измаил, штурм Праги, итальянский поход, Треббия, переход через Альпы — везде были казаки, свивая свою славу со славою славнейшего. В лучах его славы, в его школе зарождались, учились и совершенствовались и казаки герои Отечественной войны — и первый между ними атаман Платов...

Не иссякла казачья доблесть и в наше время. Долго и упорно сопротивлялись вольные сыны Дона, Кубани, Терек и Яика порабощению их большевиками. Масса сибирских казаков после гражданской войны переселилась в Маньчжурию, а донских — в Западную Европу.

С началом теперешней войны казаки одни из первых подняли оружие против большевизма. Их конные полки растут, набираются боевого опыта. Казачество объявило беспощадную войну сталинской власти. За гибель станиц, за поругание семейного очага, за грабеж казачьего достоинства большевицкая власть ответит перед казаками дорогой ценой.

П. К.